

И.В. ИГНАТЧЕНКО

КАРЛ X И ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 года. ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Июльская революция 1830 г. стала ключевым событием в истории французского либерализма. Опрокинув в 1830 г. режим Реставрации, установленный во Франции антинаполеоновской коалицией, к власти пришли либералы, 15 лет находившиеся в оппозиции. Легитимисты, напротив, уступив трон либералам-орлеанистам, стали непримиримой оппозицией к режиму Июльской монархии, который просуществовал до очередной революции во Франции, случившейся в феврале 1848 г. До настоящего времени не появилось ни одного специального исследования, которое ответило бы на очень важный вопрос: почему Карл X, имея в своем распоряжении многочисленную армию и королевскую гвардию, проиграл в ходе Июльской революции 1830 г. и вынужден был отдать власть французским либералам, хотя все рычаги власти находились, как казалось, в его руках.

Рано утром 26 июля в официальной правительственной газете «Монитор» появились четыре королевских ордонанса, согласно которым распускалась только что избранная палата депутатов, изменялось избирательное право, восстанавливалась цензура и назначались новые выборы. Через несколько часов эта новость распространилась по Парижу. Потоки людей хлынули в кафе, где можно было прочитать это правительственное издание. Тем временем в саду Пале-Рояль, где в 1789 г. началась первая Французская революция, всем собравшимся ордонансы зачитывались вслух. Несмотря на общее изумление и последовавшее затем негодование, бурного протеста сразу не произошло. Отчасти это было связано с тем, что понедельник по-прежнему рассматривался многими как выходной — традиционный для рабочих «святой понедельник» — и парижане отдыхали в предместьях столицы, проводя время в кабачках и кабаре¹.

Первыми открыто возмутились журналисты, владельцы газет и работники типографий — те, чья жизнь напрямую зависела от появления этих ордонансов. Владельцы оппозиционной газеты «Конститусьонель» немедленно отправились к дому своего адвоката и одновременно депутата Андре Дюпена, чтобы проконсультироваться с ним по поводу сложившейся ситуации. Они пригласили присоединиться к ним некоторых коллег из других изданий. На общем собрании все согласились, что ордонансы незаконны, но никакого плана действий выработано не было.

Другая либеральная газета, «Насьональ» проявила себя гораздо решительнее: уже утром 26 июля в ответ на издание ордонансов ее сотрудники опубликовали специальный выпуск с призывом не платить налоги. Главный редактор газеты молодой журналист Адольф Тьер в здании редакции, в окружении толпы журналистов, двух депутатов и судьи написал новый манифест. В нем говорилось: «Началось господство силы...

Игнатченко Игорь Владиславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (Москва, Россия).

¹ *Pinkney D. H. The French Revolution of 1830. Princeton, 1972, p. 81–82.*

В том положении, в каком мы находимся, повиновение перестает быть обязанностью. Граждане, призванные раньше всех к повиновению, суть журналисты; они же должны дать и первый пример сопротивления власти, вышедшей из пределов закона... дело Франции решить, до какого предела следует ей довести сопротивление»².

Этот манифест явился определенным вызовом для французской короны, и поэтому уже после восьми вечера в тот же день полиция прибыла в пассаж Пале-Рояль, чтобы закрыть производственное помещение этой оппозиционной газеты. Собравшаяся толпа выкрикивала: «Да здравствует Хартия!» и даже «Долой Бурбонов!». К половине одиннадцатого вечера 26 июля толпа разрослась до таких размеров, что власти решили закрыть королевские сады. Вытесненные из садов демонстранты перегруппировались на площади Пале-Рояль и двумя колоннами продолжили шествие по улицам Риволи и Кастильоне, выкрикивая антиправительственные лозунги и разбивая по дороге уличные фонари³.

Удивительно, но о готовившемся издании ордонансов еще накануне не подозревали даже многие из окружения Карла X. Так, маршал А.-Ф. Мармон, командовавший в те дни королевской гвардией, узнал о них только утром 26 июля. Более того, чтобы разыскать газету «Монитор» с опубликованными указами, ему пришлось отправиться в Париж, поскольку в расположении его войск ее не нашлось. Между тем король Карл X в тот же день отправился на охоту и был недоступен до позднего вечера. По возвращении, услышав от Мармона, что парижане пребывают в страхе и отчаянии, а биржа обвалилась, король не проявил никакой озабоченности⁴.

Первый день революции, 27 июля 1830 г., прошел для ее лидеров не столь уж успешно. Хотя накануне журналисты из 11 газет подписали протест против королевских ордонансов, где призывали к сопротивлению властям, только четыре издания опубликовали на следующее утро этот призыв А. Тьера. Это были «Насьональ», «Глоб», «Тан» и «Журнал дю коммерс». Вскоре в типографии этих изданий прибыла полиция. Издатели «Насьональ» забаррикадировались, так что полицейским даже пришлось выбивать двери.

Пока пресса хранила молчание, сильно колеблющиеся оппозиционные депутаты, находившиеся в столице, наконец-то заявили о себе. Около трех часов пополудни примерно 40 из них собрались в доме одного из своих лидеров, депутата от Парижа и богатого банкира Казимира Перье. В этот день он, обычно дерзкий, был осторожен, уверенный в том, что правительство стянуло войска и готово задавить восстание в его зародыше. Перье выступал только за легальные методы политической борьбы, исключительно в рамках закона. Лишь к концу заседания депутаты договорились, во-первых, назначить трех присутствующих на встрече, включая Ф. Гизо, составителями петиции с протестом к властям от имени депутатов, а во-вторых, встретиться на следующий день в полдень в доме другого депутата, Пьера Одри де Пюираво, чтобы совместно обсудить составленную петицию⁵.

Тем временем начали заявлять о себе парижские улицы. С раннего утра 27 июля группы парижан снова стали собираться в парках Пале-Рояля. Поначалу собрания носили мирный характер. Однако сразу после полудня, когда пришло известие о закрытии оппозиционных газет, послышались призывы к активным действиям. Роль лидеров быстро перешла к работникам типографий, отличавшимся радикальностью взглядов: статьи королевских ордонансов и закрытие типографий лишили их работы. Раздались антиправительственные лозунги и выкрики, а магазины вдоль торговых пассажей стали закрываться, что было верным признаком надвигающейся беды.

К часу дня полиция очистила сады от демонстрантов, но гонимые полицией повстанцы устремились на площадь Пале-Рояль. В три часа дня эскадрон жандармской

² Грегуар Л. История Франции в XIX веке, т. 1. М., 1894, с. 331.

³ Pinkney D. H. Op. cit., p. 90–92.

⁴ Marmont A.-F. Mémoires du maréchal Marmont, v. 8. Paris, 1857, p. 238.

⁵ Broglie G. Guizot. Paris, 2002, p. 110.

кавалерии разогнал толпу, и площадь заняли два отделения 3-го полка королевской гвардии. Примерно через час несколько солдат, возможно, без приказа открыли огонь по толпе, откуда в них летели камни. Это стало сигналом для остальных гвардейцев: они выдвинулись на улицу Сент-Оноре и начали стрелять без разбора. Первые жертвы Июльской революции появились именно здесь, и восставшие обрели своих мучеников, в которых так нуждается любой бунт. Тела погибших погрузили на носилки и демонстрировали повсюду, чтобы пробудить народный гнев.

Король же, находившийся в Сен-Клу, после посещения мессы, в половине двенадцатого дня, приказал Мармону отбыть в Париж. На данном этапе беспорядки в Париже казались Карлу X весьма несущественными. Он беззаботно сообщил маршалу: «Имеется некоторое беспокойство по поводу поддержания порядка в Париже. Поезжай туда, прими командование на себя, но сначала встретись с принцем де Полиньяком. Если все будет в порядке, к вечеру сможешь вернуться в Сен-Клу»⁶.

К часу дня Мармон уже находился в штаб-квартире 1-го военного дивизиона в Тюильри. Первые принятые им меры были довольно энергичными — почти весь парижский гарнизон занял ключевые командные пункты в городе, такие, как площадь Мадлен и площадь Бастилии. Мало-мальски серьезные стычки произошли на улице Сент-Оноре и на небольшой прилегающей к ней улочке Сен-Никез, где королевская гвардия разобрала ранее возведенные баррикады. Однако толпа продолжала расти, особенно вокруг Гревской площади, напротив здания городской ратуши и площади Бастилии, в рабочих кварталах Сент-Антуанского предместья, известного своими выступлениями в ходе Французской революции конца XVIII в. Ближе к вечеру участились нападения на оружейные магазины и их грабежи, и это не предвещало ничего хорошего. Но Мармон тогда еще считал, что полностью контролирует ситуацию в городе. Иначе чем объяснить тот факт, что около 11 вечера он приказал войскам вернуться в казармы⁷.

На следующее утро, 28 июля, настроение маршала Мармона существенно изменилось. Стало понятно, что толпу так и не удалось разогнать, скорее наоборот, количество митингующих только увеличивалось и они все активнее воздвигали баррикады. Маршал растерялся. Вместо четкого исполнения военных обязанностей, возложенных на него королем, он принялся сочинять Карлу X письмо, суть которого можно выразить известными словами Ф. Ларошфуко-Лианкура, адресованными Людовику XVI: «Это больше не мятеж, это революция!». Итак, Мармон писал королю: «Необходимо, чтобы Ваше Величество срочно принял меры для умиротворения ситуации. Честь короны еще можно спасти, завтра, возможно, будет уже слишком поздно. Я принимаю меры, чтобы подавить сопротивление. Войска будут готовы к полудню, но я с нетерпением жду Ваших новых приказаний»⁸. Маршал призывал короля успокоить парижан, избрав примиренческий политический курс, который включал бы в себя в первую очередь отмену четырех ненавистных народу ордонансов. Из этого следует, что с самого начала он оценивал свои шансы в деле подавления мятежа достаточно пессимистично.

Такое настроение командира, чьей единственной задачей было силовое подавление мятежа, выглядит как-то странно. Однако маршал Мармон, герцог Рагузский, не впервые действовал столь неоднозначно. Став маршалом Наполеона I в 1809 г., он вместе с маршалом Э. Мортье в 1814 г. подписал договор о сдаче Парижа членам антинаполеоновской коалиции и отвел свои войска в Нормандию, из-за чего бонапартисты обвинили его в измене. (С той поры слово «Рагуза» стало во Франции синонимом слова «предатель» и появился глагол «raguser», что в переводе с французского означает подло предать.) Как следствие, Наполеон вынужден был подписать акт об отречении, а маршал Мармон вскоре открыто перешел на сторону Бурбонов и получил титул пэра.

⁶ *Marmont A.-F. Op. cit.*, v. 8, p. 238.

⁷ *Pinkney D. H. Op. cit.*, p. 104–107.

⁸ *Marmont A.-F. Op. cit.*, v. 8, p. 243.

Однако в приказах Мармона от 28 июля 1830 г. колебаний еще не чувствовалось. 1-й полк королевской гвардии был размещен на бульваре Капуцинов вместе с двумя пушками и сотней уланов, вооруженных пиками; 2-й полк был оставлен в резерве на площади Мадлен, 3-й полк с 200 уланами находился на площади Карусель. Один линейный полк стоял на Новом мосту, два других — на Вандомской площади, и еще один, поддержанный отделением кирасиров, — на площади Бастилии. Гарнизоны из других городов — Орлеана, Бове, Компьени, Фонтенбло — также были стянуты к столице, а 4-й полк королевской гвардии, который и так шел к Парижу из Канна, получил приказ как можно быстрее прибыть в столицу. Кроме того, Мармон запросил четыре батареи артиллерии из Венсенна⁹.

В 1830 г. военные действия в городских условиях были явлением уникальным, подобной практики Западная Европа еще не знала. Для маршала Мармона единственным опытом ведения боевых действий в городе была кровопролитная осада Сарагосы в 1808 г., во время испанской военной кампании Наполеона. Тем не менее у него на этот счет имелась своя стратегия, в которой он был уверен. «Захват общественных площадей — первое необходимое условие для господства в городе. И поскольку почти все коммуникации сводятся к ним, площадей необходим контроль»¹⁰, — писал он позднее в своих мемуарах. Его цель, таким образом, сводилась к тому, чтобы стянуть к этим площадям как можно больше войск, которые будут поддерживать связь друг с другом за счет отправки регулярных патрулей по бульварам и возьмут в кольцо протестующие кварталы.

Вместе с тем в городских условиях существовала серьезная проблема — использование войск против сограждан. Солдаты, особенно из передовых линейных полков, не хотели быть вовлеченными в гражданские конфликты, и чем дольше они оставались в бездействии, поблизости или совсем вплотную к простому народу, тем больше это подрывало их боевой дух. Даже элитные подразделения не имели «прививки» от этой заразной болезни. К восьми утра 28 июля свыше 60 человек из 5-го и 50-го линейных полков, базировавшихся на Вандомской площади, перешли на сторону восставших. Это известие серьезно обеспокоило Мармона.

Маршал принял решение, которое должно было сплотить ряды гвардейцев, — повести их в атаку. Были сформированы три колонны для отправки в восточную часть города, чтобы локализовать там беспорядки. Первая колонна под руководством генерала Э.-В. Кинсонна состояла из двух батальонов 3-го полка королевской гвардии и двух пушек. Она должна была двигаться по улице Сен-Оноре и занять площадь Невинных. Вторая колонна под командованием генерала Ж. Талона и составленная из другого батальона того же полка, 50 уланов и двух пушек направлялась по правому берегу Сены, чтобы занять Гревскую площадь. Наконец, генерал А. Сен-Шаман возглавил три батальона гвардейцев, куда входило в общей сложности 750 человек, 150 уланов и две пушки. Они двигались по северным бульварам в сторону площади Бастилии с целью усилить уже находившийся там передовой полк и отряд кирасиров и поддерживать связь с генералом Талоном, занявшим Гревскую площадь¹¹.

У парижан имелись свои ресурсы для сопротивления регулярным войскам. И хотя у них отсутствовало единое командование, в каждом из районов Парижа были те, кто знал, как вести уличные бои¹². Главным способом сопротивления были, конечно, баррикады, ставшие символом Июльской революции 1830 г. В таких условиях угрозой для солдат являлись даже дома. С верхних этажей, где жили бедняки, по солдатам палили из ружей, в них летели булыжники и различная утварь. Парижане в те дни отлично понимали, что противника нужно изолировать, и быстрым возведением баррикад старались отсечь ему пути к отступлению.

⁹ Ibid., p. 242–243; Price R. The French Army and the Revolution of 1830. — European Studies Review, v. 3, 1973.

¹⁰ Marmont A.-F. Op. cit., v. 8, p. 274.

¹¹ Ibid., p. 245–246.

¹² Pilbeam P. The 1830 Revolution in France. London, 1991, p. 61–62.

Откуда же парижане знали о такой тактике, если чуть ли не единственный опыт баррикадных боев был в далеком 1588 г., когда католическая Лига выгнала Генриха III из Парижа? Однако в Париже проживали сотни ветеранов наполеоновских войн, которые ненавидели Бурбонов. В отчетах по Июльской революции 1830 г. содержится немало указаний на таких людей, действовавших в качестве лидеров восстания на местном уровне. Так, в отчете о столкновениях во 2-м округе сообщалось, что среди 43 сражавшихся, проявивших исключительную храбрость, было 5 бывших офицеров и солдат, принявших командование на себя, а доктор, лечивший раненых, указывал, что две трети раненых являлись бывшими военными¹³.

Колонна Кинсонна без труда заняла площадь Невинных, но вскоре была окружена парижанами, стекавшимися с соседних улиц. Повстанцы начали быстро возводить баррикады и открыли беспорядочный ружейный огонь. Несмотря на то, что Кинсонна получил подкрепление — батальон швейцарских гвардейцев, — позиции его солдат оказались непригодными для обороны. Поэтому единственной их задачей стало желание выбраться из окружения. Пока они продвигались по улице Сен-Денни, восставшие обстреливали их из близлежащих домов. В безопасности они оказались, только дойдя до моста Искусств на берегу Сены.

Южнее с похожей ситуацией столкнулись солдаты Талона. С Гревской площади им пришлось отступить, однако они сумели вернуться на прежние позиции, используя против толпы пушку, заряженную крупной картечью. Но скоро выяснилось, что здание Ратуши, вокруг которого расположились солдаты, со всех сторон окружено парижанами. Только после 10 часов вечера солдатам Талона удалось вырваться из окружения и отступить в сторону Тюильри, следуя по правому берегу Сены.

Колонна Сен-Шамана столкнулась с трудностями еще раньше, поскольку у нее не оказалось достаточного количества амуниции и боеприпасов. Сен-Шаман достиг площади Бастилии, но из-за воздвигнутых баррикад и срубленных деревьев связь с Мармоном была прервана. Сен-Шаман попытался пробиться на Гревскую площадь, чтобы соединиться с Талоном, однако был остановлен шквальным огнем парижан. В конце концов он стал пробиваться на юг, к мосту Аустерлиц, и, перейдя на левый берег Сены, отступал по южным бульварам¹⁴.

Таким образом, вечером 28 июля, когда слегка потрепанные войска Карла X отступали к Тюильри, стало очевидно, что Мармон потерпел серьезное поражение: он уже не контролировал ситуацию в городе. Основная причина его неудачи состояла в том, что он не располагал достаточными людскими ресурсами. В такой обстановке вряд ли можно было вообще говорить о наступлении на позиции парижан. Наиболее правильной стратегией, вероятно, было бы стягивание всех войск к Тюильри и создание надежной линии обороны, чтобы там дожидаться подкреплений, которые уже были вызваны из провинций. Впрочем, долгое бездействие могло подорвать моральный дух солдат.

Были и другие факторы, которые тоже вели к поражению. Имела место катастрофическая ситуация с подвозом продовольствия — не было запасов еды и питья, а также транспорта для их доставки в войска. Более того, походную кухню (переносные кастрюли для приготовления пищи) отменили из-за экономии средств, а это означало, что солдаты не могли подкрепиться горячим супом на марше. В течение всего этого насыщенного событиями дня они сумели лишь позавтракать с утра в казармах. Голод явно не способствовал поднятию их боевого духа¹⁵.

Точно неизвестно, какие установки Мармон дал своим солдатам и офицерам в те революционные дни. В мемуарах маршал утверждал, что проинструктировал командиров колонн открывать огонь на поражение лишь в случае залпа в их сторону из 50 и более ружей. Если верить Сен-Шаману, приказы Мармона были более жесткими. Он вспоминал, что в личном разговоре Мармон приказал ему отвечать ружейным

¹³ *Pinkney D. H.* Op. cit., p. 271.

¹⁴ *St. Chamans A.* Mémoires. Paris, 1896, p. 491–503.

¹⁵ *Marmont A.-F.* Op. cit., v. 8, p. 285.

огнем на булыжники парижан, а на ружейные выстрелы — огнем из пушки. Тем не менее Сен-Шаман добавляет, что использовать силу солдаты могли только в случае серьезного сопротивления со стороны восставших. Несмотря на противоречивые показания, можно заключить, что страх перед избыточными гражданскими потерями все-таки ограничивал действия войск, увеличивая тем самым их собственные потери, и подрывал моральный дух. Мармон писал, что в одном из столкновений 29 июля он даже запретил войскам открывать по толпе огонь, поскольку там были женщины¹⁶. Подобная щепетильность, наверняка, показалась бы наивной тем, кто подавлял восстание рабочих в июне 1848 г. в Париже и Парижскую коммуну в мае 1871 г.

Пока между войсками и горожанами происходили стычки, не прекращались попытки проведения переговоров. Во время встречи в доме Одри де Пуираво депутаты договорились отправить делегацию из пяти человек в Тюильри. Для этой цели были выбраны банкиры Казимир Перье и Жак Лаффит, адвокат Франсуа Моган и два видных наполеоновских генерала — граф Этьенн-Морис Жерар и граф Жорж Мутон де Лобо.

Когда они прибыли в Тюильри примерно в три часа дня, маршал Мармон был занят тем, что сочинял письмо королю. Делегаты просили маршала прекратить огонь и достичь перемирия, но добавили, что добьются прекращения огня от парижан только в том случае, если ордонансы будут отменены. Мармон ответил, что это не в его власти, и опрометчиво заявил: «Вы жалуетесь на то, чего я вовсе не одобряю, но существуют военные обстоятельства»¹⁷. Тем самым он невольно дал понять, что не разделяет политику, которой вынужден придерживаться.

Единственное, на что Мармон согласился, это спросить премьер-министра Жюль де Полиньяка, также разместившегося в Тюильри, о возможности принять депутатов. Полиньяк ответил отказом. В письме к Карлу X Мармон сделал замечание, которое характеризует его позицию: «Я считаю неотложным, чтобы Ваше Величество без промедления воспользовалось теми инициативами, которые Вам предложены»¹⁸. Поведение маршала во время встречи с делегацией также могло иметь значимые последствия. В его словах чувствовались сомнения и колебания, что не осталось незамеченным делегатами, особенно опытным Перье. Этот скрытый подтекст явно свидетельствовал о том, что боевой дух солдат и офицеров быстро падает, да и сам Мармон далеко не уверен в победе.

Во второй половине дня маршал получил ответ от короля, в котором ему предписывалось «концентрировать войска, держаться твердо и реагировать на действия толпы». На рассвете 29 июля он расположил войска: все они были сведены к Тюильри и Лувру, образовав кольцо для защиты этих зданий. Он разместил в Лувре два батальона швейцарских гвардейцев, подкреплением для которых служили еще один батальон швейцарских гвардейцев, два полка королевской гвардии и шесть пушек на площади Карусель. Затем вдоль линии, тянувшейся с востока на запад, были выставлены два полка королевской гвардии с двумя пушками на площади Людовика XVI (ныне площадь Согласия) и на бульваре Мадлен. Еще два передовых полка с двумя пушками расположили в садах Тюильри, два других передовых полка — на Вандомской площади.

Верна ли была подобная тактика? Мармон считал, что правильно распорядился своими частями. Около девяти утра, когда министры собирались отправиться в Сен-Клу на прием к Карлу X, Мармон сказал им: «Можете заверить короля, что бы ни случилось, даже если все население Парижа с оружием в руках восстанет против меня, я смогу продержаться тут без дополнительных подкреплений две недели. Да, эта позиция неуязвима, и я могу защищать ее против всего Парижа две недели»¹⁹.

Защита Лувра и Тюильри напоминала печальные события первой Французской революции. Тогда, 10 августа 1792 г., Людовик XVI и королевская семья, окруженные несколькими подразделениями Национальной гвардии и швейцарской гвардией, тоже

¹⁶ *St. Chamans A. Op. cit.*, p. 491.

¹⁷ *Marmont A.-F. Op. cit.*, v. 8, p. 250.

¹⁸ *Pinkney D. H. Op. cit.*, p. 126.

¹⁹ *Guernon-Ranville M. comte de. Journal d'un ministre. Caen, 1873, p. 179.*

надеялась выстоять против восставших парижан. В неразберихе швейцарские гвардейцы открыли огонь по толпе и затем были сметены ею. Разгневанные парижане убивали швейцарцев, когда те просто стояли на посту или отступали на запад через сады Тюильри²⁰.

В июле 1830 г. швейцарская гвардия находилась примерно на тех же рубежах, что и их несчастные предшественники 38 лет назад. Конечно же, эти гвардейцы знали о событиях 1792 г., а для некоторых воспоминания о той революции были мрачными и зловещими, поскольку швейцарская гвардия — почти семейная структура, где служба передается от отца к сыну, из поколения в поколение, и многие швейцарцы, защищавшие Бурбонов в 1830 г., были потомками тех, кто защищал эту же династию в 1792 г. Так, например, у их командира полковника И. де Сали 10 августа с парижанами сражались два родственника и только один из них выжил; полковник Ж.-Р. Майардо потерял в тот день и отца, и брата. Многих не покидало ощущение, что теперь они могут разделить трагическую судьбу своих родных²¹.

Меньше чем через два часа события приняли для режима Бурбонов фатальный характер. Последовательность событий до конца не ясна, но известно, что около десяти часов утра 5-й и 53-й линейные полки, расквартированные на Вандомской площади, перешли на сторону парижан. Впрочем, тревожные сигналы поступали с самого начала конфликта: 27 июля дезертировали несколько солдат 5-го полка, а 28 июля солдаты из обоих полков начали брататься с восставшими. По мнению Мармона, своеобразным катализатором, побудившим солдат к измене, стало появление на Вандомской площади Казимира Перье, который, по словам Мармона, выступил перед солдатами с пламенной речью, призвав их не стрелять по согражданам²². Если это так, то Перье, верно оценивший накануне настрой Мармона и его войск, всю слабость их позиций, понял, что настал момент для решительных действий. В любом случае результат был ошеломляющим: исчезла вся западная часть оборонительной линии Мармона.

Началась цепная реакция. Опасаясь, что два других линейных полка могут последовать примеру 5-го и 53-го, Мармон отвел их назад к Елисейским полям. Чтобы ликвидировать брешь в обороне, он снял швейцарский батальон с площади Карусель и переместил его в сады Тюильри, а на его место отправил другой швейцарский батальон. Однако во время этой передислокации произошла фатальная ошибка. Отступая из Лувра, швейцарский батальон в смятении оставил без охраны вход в здание, расположенное на улице дю Кок. Несколько парижан, заметив это, вошли внутрь и открыли оттуда огонь. Командиру батальона, оставшегося в Лувре, полковнику де Сали, показалось, что он отрезан от своих частей. По версии Мармона, полковник потерял голову и, «убежденный в том, что находится в опасности, будучи заблокированным в Лувре, он в спешке оставил свой пост». Вполне возможно, что панические настроения Сали были связаны со страшными воспоминаниями о 1792 г., когда его родственников растерзали парижане²³.

Увидев, как солдаты Сали спасаются бегством из Лувра, их товарищи, расквартированные на площади Карусель, в панике понеслись через внутренний дворик Тюильри и сады Тюильри, где к ним присоединился другой находившийся там швейцарский батальон. Единственное, что удалось сделать Мармону в тех условиях, это соединиться со своими людьми на площади Этуаль. Лучшим решением, как ему казалось, было бы укрепиться в этом месте. В его распоряжении по-прежнему оставалось несколько тысяч солдат, артиллерия неподалеку от Тюильри, что еще позволяло королю вести переговоры с позиции силы. Как только Мармон закончил выстраивать войска, прибыло письмо из

²⁰ Allen R. Threshold of Terror: The Last Hours of the Monarchy in the French Revolution. Stroud, 1999, p. 101–124.

²¹ Maag A. Geschichte der Schweizertruppen in französischen Diensten während der Restauration und Julirevolution (1816–1830). Biel, 1899, p. 87.

²² Marmont A.-F. Op. cit., v. 8, p. 259–260.

²³ Ibid., p. 262.

Сен-Клу, где незадолго до этого получили известие о его отступлении. В письме сообщалось, что общее командование войсками принял на себя старший сын короля герцог Ангулемский. Он приказал Мармону отступить к Сен-Клу со всеми своими войсками. Маршал и его люди покинули площадь Этуаль, и Париж был потерян.

В военном и политическом отношении беспорядочное бегство у Тюильри стало решающим моментом в период «трех славных дней». Оно оказалось абсолютно неожиданным и во многом предопределило исход революции. Один из очевидцев понял это сразу же. Шарль-Морис Талейран, мудрый и опытный политик, который наблюдал за происходящим из окон дома, расположенного на углу улицы Сен-Флорентан и площади Людовика XVI, сказал окружавшим его друзьям: «29 июля, в пять минут первого часа дня старшая ветвь дома Бубонов прекратила править»²⁴.

Эвакуация из Парижа королевских войск подвела черту под кровопролитными сражениями Июльской революции. Согласно официальным подсчетам, в течение этих трех дней были убиты 496 восставших парижан, 849 ранены; войска Карла X потеряли 150 солдат убитыми, 580 были ранены и 137 пропали без вести²⁵. Но если военная составляющая революции завершилась, то ее политическая фаза только начиналась. Старшая ветвь дома Бубонов действительно «прекратила править», но было непонятно, кто придет ей на смену.

Находясь в Сен-Клу, Карл X слишком поздно понял, что для спасения ситуации нужно идти на компромисс. В четыре часа дня 29 июля король отправил в отставку своих министров. Полиньяк был заменен 47-летним герцогом Казимиром Мортемаром, недавно вернувшимся французским послом в Петербурге. Было решено отменить четыре ордонанса и ввести в состав нового правительства К. Перье и генерала Э.-М. Жерара.

Мортемар крайне неохотно согласился на отведенную ему роль премьер-министра. «Король думает, что я атеист, я в этом уверен»²⁶, — жаловался он, считая, что король до конца ему не доверяет. Кроме того, Мортемар был болен лихорадкой, а ему следовало срочно отправляться в Париж, чтобы вести переговоры о завершении кризиса.

Однако Карл отказывался обеспечить своему новому премьеру хотя бы минимум условий для ведения переговоров: предоставить чрезвычайные полномочия, дать письменные подтверждения об отзыве ордонансов, отставке министерства Полиньяка, возрождении Национальной гвардии, а также о предложении должностей министров Перье и Жерару. Только в семь часов утра 30 июля, когда Мортемар ворвался в королевские покои, требуя этих уступок, Карл наконец согласился. Мортемар незамедлительно отправился в столицу с тремя спутниками, одним из которых был пэр и герцог Антуан д'Аргу, известный своими либеральными взглядами. Но несколько драгоценных часов было уже потеряно. За это время в Париже Ж. Лаффит, А. Тьер и генерал Г. Себастиани сумели убедить Луи-Филиппа, принца из дома Орлеанов — младшей ветви Бурбонов, стать генерал-лейтенантом королевства, приняв корону из рук нации, во имя сохранения монархии во Франции.

Поездка Мортемара оказалась тяжелой: все пошло не так, как было задумано. Прибыв на пост Национальной гвардии в Булони, он и его спутники были встречены ополченцами очень агрессивно. Их заставили покинуть карету, и дальше им пришлось идти пешком. Когда же они наконец-то добрались до дома Лаффита, большинство парламентариев, собиравшихся там, уже отправились в палату депутатов. Те же, кто еще оставался в доме, заверили герцога, что время для переговоров с Карлом давно прошло и теперь спасение монархии они связывают только с Луи-Филиппом.

Неожиданно Мортемар вновь почувствовал себя плохо, но все равно отправился в палату пэров, чтобы переубедить своих коллег. Добравшись до Люксембургского

²⁴ *Mantoux P.* Talleyrand en 1830 d'après des mémoires contemporaines. — *Revue Historique*, v. 78, 1902, p. 273.

²⁵ *Pinkney D. H.* Op. cit., p. 121.

²⁶ *Mortemart C. duc de.* Un manuscrit sur les journées de juillet. — *Le Correspondant*, v. 321, 1931, p. 641—658; *Pasquier E.* Mémoires du chancelier Pasquier, v. 6. Paris, 1895, p. 273—274.

дворца, где заседали члены палаты пэров, Мортемар попытался отпечатать новые ордонансы, отменявшие прежние, от 25 июля²⁷, и учреждавшие новое правительство, однако ни одна газета, даже официальный «Монитор», не согласилась их печатать. Таким образом, больной, беспомощный, оставшийся в одиночестве герцог оказался премьер-министром лишь на бумаге²⁸.

Однако вернемся к хронике действий королевских войск. 29 июля, отступая из Парижа в сторону Булони, Мармон был весьма прохладно встречен главнокомандующим герцогом Ангулемским. Вполне возможно, что к тому времени герцог Ангулемский, принявший командование в очень тяжелых условиях, стал подозревать Мармона в предательстве, тем более что своего прежнего повелителя, императора Наполеона, маршал, как мы знаем, предал.

Следующий день был потрачен на перегруппировку войск в Сен-Клу. Под вечер обеспокоенный серией дезертирств Мармон издал приказ по королевской гвардии, в котором благодарил гвардейцев за верность и храбрость и информировал о том, что четыре ордонанса уже отменены и что премьер-министром назначен Мортемар. Маршал сделал это без согласования с герцогом Ангулемским и поступил недальновидно. Когда в девять часов вечера он сообщил о своих действиях Карлу, король назвал их ошибкой, которую нужно немедленно исправить. Тогда Мармон отправился к герцогу Ангулемскому. Как только он вошел, герцог схватил его за горло и стал кричать: «Предатель! Проклятый предатель! Ты идешь и издаешь приказ без моего позволения! Отдай мне сейчас же свою шпагу!»

Между ними началась потасовка, и герцог Ангулемский напоролся на эту самую шпагу. Незадачливый маршал был под конвоем препровожден в другую комнату и затем арестован²⁹. Правда, под арестом он находился недолго — ранение герцога оказалось незначительным. Меньше чем через полчаса начальник охраны прибыл к маршалу с его злополучной шпагой, вернул ее, и они оба отправились к королю. Король заставил маршала помириться со своим сыном. Инцидент был исчерпан.

Аизтолицы уже приходили сообщения, что парижане планируют атаковать Сен-Клу. Было решено отступить к Трианонскому дворцу в Версале. Отступление началось в три часа утра, и через четыре часа королевская свита добралась до Версаля. Здесь король собрал совет из оставшихся при нем министров. Принятый ими план состоял в том, чтобы перевезти правительство в город Тур и, опираясь на поддержку лояльных частей и жителей провинций, продолжить войну против мятежного Парижа. Однако после возвращения деморализованного и потрепанного арьергарда это решение отменили. Герцог Ангулемский отступал крайне неудачно: королевская гвардия под его командованием отказалась стрелять по наступающим парижанам на Севрском мосту, а шесть групп швейцарцев сдались повстанцам в парке Сен-Клу. Заключив, что в Трианонском дворце оставаться долее будет небезопасно, окружение короля отправилось в резиденцию Рамбуйе. Добрались туда к позднему вечеру 31 июля³⁰.

В тот день в Париже происходили знаменательные события. В четыре часа утра Луи-Филипп принял герцога Мортемара в Пале-Рояле. Он заверил герцога, что не собирается примерять корону и приехал в Париж только по воле революционеров. Он даже отдал Мортемару письмо, написанное им специально для Карла X, в котором в самых общих словах признавался в своей преданности трону.

Позиции Карла X стремительно ухудшались. Войска, которые сохраняли ему верность, были серьезно дезорганизованы, в том числе из-за частых отступлений. Возможно, по совету британского посла лорда де Ротсея Карл X избрал иную тактику: чтобы вернуть Луи-Филиппа под свои знамена, он санкционировал его назначение генерал-лейтенантом королевства. На рассвете 2 августа письмо Карла X было до-

²⁷ Июльские ордонансы 1830 г. были подписаны 25 июля, но напечатаны 26 июля.

²⁸ *Pasquier E.* Op. cit., 6, p. 285–288; *Mortemart C. duc de.* Op. cit., p. 803–808.

²⁹ *Marmont A.-F.* Op. cit., v. 8, p. 293–294.

³⁰ *D'Haussez Ch. baron de.* Mémoires du baron d'Haussez, v. 2. Paris, 1897, p. 291–301.

ставлено в Пале-Рояль. В своем ответе Луи-Филипп подчеркнул, что уже получил должность генерал-лейтенанта королевства из рук народа и поэтому такое назначение уже не является «даром» Карла X. Луи-Филипп только пообещал, что сделает все возможное, чтобы обезопасить королевскую семью³¹. Посыл письма был очевиден: Луи-Филипп больше не признавал власти Карла X.

В течение 2 августа обстановка в стане Карла X менялась только к худшему. Утром три полка тяжелой кавалерии королевской гвардии дезертировали и направились в Париж, а полковники других соединений еще накануне тайком обсудили возможность заключения мира с парижанами на выгодных для себя условиях. Правда, никто, за исключением полковников И. де Сали и Ж.-В. де Бесенваля, командовавших швейцарской гвардией, не покинул короля. Эти же двое незамедлительно отправили своего единомышленника полковника Ж.-Р. Майардо в Париж просить Луи-Филиппа о безопасном проходе для них самих и их людей через Бургундию в сторону Швейцарии. Такие гарантии были ими получены тотчас же.

Беспокойство швейцарских командиров отчасти объяснялось тем, что дядя полковника де Бесенваля, генерал П.-В. де Бесенваль, командовал парижским гарнизоном 14 июля 1789 г. После взятия Бастилии его чуть не линчевали на месте. Затем он провел шесть месяцев в заточении. Племянник, очевидно, не хотел повторить участь родственника³².

Дезертирство в королевских войсках, равно как и нелояльность Луи-Филиппа, вынудили Карла X в середине дня 2 августа, в окружении своих близких и советников подписать отречение в пользу внука. Вместе с королем Бурбоном подпись под документом поставил также его старший сын герцог Ангулемский. Они оба отреклись в пользу малолетнего сына герцогини Беррийской, герцога Бордосского, которого легитимисты признали как короля Генриха V. Документ был оформлен в виде письма к генерал-лейтенанту королевства Луи-Филиппу. В нем содержалось требование немедленно провозгласить восшествие на престол Генриха V и принять все необходимые меры для обеспечения стабильности нового правления. Луи-Филипп получил это письмо около полуночи. В ответе он сообщил, что отправил акт об отречении в архивы палаты пэров, а о Генрихе V даже не упомянул³³.

Утром 3 августа по Парижу разлетелся слух, будто бы королевские войска убили эmissаров, отправленных в Рамбуйе для переговоров об отречении Карла X. В результате на площади Людовика XVI собралась толпа численностью от 14 до 20 тыс. парижан, выкрикивавших: «На Рамбуйе!». Движение казалось спонтанным, но впоследствии легитимисты обвинили власти в том, что те потворствовали этому движению, стремясь удалить из столицы нежелательные элементы в день открытия парламентской сессии. Не имея намерения разгонять это собрание, Луи-Филипп приказал Мари-Жозефу Лафайету организовать 7 тыс. национальных гвардейцев, чтобы те сопровождали разгневанную толпу по всему маршруту следования. Луи-Филипп также отправил трех уполномоченных — маршала Н.-Ж. Мэзона, депутата Огюста Шонена и адвоката Одилона Барро — к королю, чтобы убедить Карла X покинуть Рамбуйе до появления толпы.

Маршалу Мэзону удалось внушить королю, что дело нешуточное: в Рамбуйе движется толпа из 60—80 тыс. человек (на самом деле людей было в три раза меньше). В конце концов король согласился уехать. К полуночи королевский эскорт отправился на запад, к Мантенону. Уполномоченные остались вместе с Карлом, по официальной версии, чтобы обезопасить его и дать совет в случае необходимости, но в действительности с целью проследить за тем, чтобы он покинул страну в кратчайшие сроки. Вполне возможно, Луи-Филипп не хотел повторять опыт своего отца Филиппа-Эгалите, когда-то прогославшего за казнь Людовика XVI.

³¹ Antonetti G. Louis-Philippe. Paris, 1994, p. 595—596.

³² Marmont A.-F. Op. cit., v. 8, p. 308.

³³ Antonetti G. Op. cit., p. 596—597.

Утро 4 августа стало определяющим в дальнейшем развитии событий. Из Мантёна Карл мог повернуть на юг и попытаться закрепиться на Луаре. Но Мэзон, Барро и де Шонен после длительных переговоров все-таки сумели уговорить его отправиться дальше на запад, в Шербур, сесть там на корабль и отплыть в Англию. Утром 16 августа королевская семья достигла Шербура, где в гавани ее уже дожидался американский корабль под звучным названием «Великобритания». К тому времени состав королевского эскорта не превышал 70 человек. В половине третьего корабль отплыл к английским берегам, и поздним вечером бывший король Франции ступил на английскую землю. Так бесславно закончилось его правление.

В истории Июльской революции 1830 г. удивительным остается тот факт, что, пойдя на чрезвычайные политические меры, французские власти должным образом не озаботились тем, чтобы обеспечить военную составляющую и тем самым обезопасить себя от беспорядков. Так, в распоряжении Мармона накануне революции находилось в общей сложности около 17 тыс. солдат всех родов войск: 13700 пехотинцев, 2200 кавалеристов и 1100 артиллеристов. Из этих 17 тыс. половина солдат относилась к королевской гвардии, а другая — к швейцарским гвардейцам³⁴. Такое количество войск позволяло бороться с локальными бунтами, но никак не с массовым народным выступлением.

Карл X и правительство Полиньяка повели себя совершенно беспечно, даже не задумываясь о том, что парижане могут восстать, хотя 40 годами ранее революция, однажды уже сокрушившая Бурбонов, началась как раз в Париже. Необъяснимым кажется и тот факт, что всего за два месяца до издания ордонансов Карл X отправил 40 тыс. верных ему солдат на завоевание далекого Алжира, несмотря на то, что кризис в стране начался еще в августе 1829 г., когда произошло назначение нового, ультрароялистского кабинета министров под председательством Полиньяка. Кроме того, в дни самой революции армейские подкрепления так и не подошли к столице; в войсках наблюдались хаос и сумятица; никто из командиров не знал точно, что нужно делать; все четыре генерал-лейтенанта королевской гвардии в эти июльские дни отсутствовали; многие старшие офицеры накануне отправились в свои избирательные округа участвовать в выборах, а генерал Луи Франсуа Кутар, командовавший парижским гарнизоном, находился на лечении. Мармон утверждал, что, когда разразился кризис, половины его старших офицеров не было на месте³⁵.

Сложно понять причины излишней самоуверенности Карла X и его главного министра. Возможно, они посчитали, что последнее серьезное волнение в Париже, которое пришлось на 1827 г. (тогда на улице Сен-Дени произошли небольшие беспорядки после парламентских выборов), было легко подавлено, а значит, армия справится с любым проявлением недовольства. Префект полиции Жан-Анри Манжэн также горячо убеждал короля и его окружение, что в Париже ничего серьезного случиться не может, что он держит ситуацию под контролем. Когда министр народного просвещения в кабинете Полиньяка граф Марсиаль де Гэрнон-Ранвиль, серьезно обеспокоенный возможным недовольством народа в связи с изданием ордонансов, 25 июля спросил префекта о ситуации в Париже, тот незамедлительно отрапортовал: «Что бы вы ни сделали, Париж и не заметит. Действуйте смело и решительно, а за Париж я отвечаю, будьте уверены»³⁶.

В конечном счете король и его правительство недооценили возможные политические риски, не приготовились к худшему сценарию развития событий, совершенно не прочувствовали, да и не хотели чувствовать дух времени и настроение своих граждан. Власть во Франции оказалась недалёковидной и неорганизованной. Это во многом и погубило монархию Бурбонов.

³⁴ Service historique de l'armée de Terre. Chateau de Vincennes, D3 131. Correspondance militaire générale, juillet – août 1830, dossier: Revolution de 1830.

³⁵ Marmont A.-F. Op. cit., v. 8, p. 287.

³⁶ Guernon-Ranville M. comte de. Op. cit., p. 154.